

Константин МОЧУЛЬСКИЙ

Русские поэтессы

М. Цветаева и А. Ахматова

Наверное, в далеком будущем и для нашей эпохи отыщется изящный синтез. Притупятся противоречия, затушуются контрасты, пестрота сведется к единству, и из разноголосицы получится «согласный хор». Будущий ученый, очарованный гармонией, блестяще покажет «единый стиль» нашего времени. Но как жалко нашей нестройности, нашего живого разнообразия, даже нашей нелепости. И никакая «идея» не примирит нас с превращением в маски тех лиц, которые мы знали и любили.

Сложность и противоречивость — черты нашей эпохи — будем хранить их бережно. Нам ценно сейчас не общее, соединяющее наших поэтов в группы и школы, не элементы сходства — всегда внешние и бессодержательные. Частное, личное, ни на что не сводимое, разъединяющее — вот что интересует нас.

Марина Цветаева — одна из самых своеобразных фигур в современной поэзии. Можно не любить ее слишком громкого голоса, но его нельзя не слышать. Ее манеры порой слишком развязны, выражения вульгарны, суетливость ее нередко утомительна, но другой она быть не хочет, да и незачем. Все это у нее — подлинное: и яркий румянец, и горящий, непокладистый нрав, и московский распев, и озорной смех.

А рядом — другой образ — другая женщина-поэт — Анна Ахматова. И обе они — столь непостижимо различные — современницы.

Пафос Цветаевой — Москва, золотые купола, колокольный звон, старина затейливая, резные коньки, переулки путанные, пышность, пестрота, нагроможденность быта, и сказка, и пес-

ня вольная, и удаль, и богомольность, и Византия, и Золотая Орда.

У меня в Москве — купола горят!
 У меня в Москве — колокола звонят!
 И гробницы в ряд у меня стоят,
 В них царицы спят, и цари.

Вот склад народной песни с обычным для нее повторениями и параллелизмом. Напев с «раскачиванием» — задор молодецкий. Ахматова — петербурженка; ее любовь к родному городу просветлена воздушной скорбью. И влагает она ее в холодные, классические строки.

Но ни на что не променяю пышный
 Гранитный город славы и беды.

Цветаева всегда в движении; в ее ритмах — учащенное дыхание от быстрого бега. Она как будто рассказывает о чем-то второпях, запыхавшись и размахивая руками. Кончит — и умчится дальше. Она — непоседа. Ахматова — говорит медленно, очень тихим голосом: полулежит неподвижна; зябкие руки прячет под свою «ложно-классическую» (по выражению Мандельштама) шаль. Только в едва заметной интонации проскальзывает сдержанное чувство. Она — аристократична в своих усталых позах. Цветаева — вихрь, Ахматова — тишина. Лица первой и не разглядишь — так оно подвижно, так разнообразна его мимика. У второй — чистая линия застывшего профиля. Цветаева вся в действии — Ахматова в созерцании. Одна едва улыбается, там где другая грохочет смехом.

Лирика Ахматовой насквозь элегична — страдальческая любовь, «душная тоска», муки нелюбимой или разлюбленной, томление невесты по мертвому жениху; фон ее — четыре стены постылой комнаты; мучительный недуг, приковывающий к постели. За окном метель — и она одна в надвигающихся сумерках. Поэзия Цветаевой пышет здоровьем, налита знойной молодой кровью, солнечна, чувственна. В ней исступление, ликование, хмель.

Кровь, что поет волком,
 Кровь — свирепый дракон,
 Кровь, что кровь с молоком
 В кровь целует — силком.

Первая — побежденная, покорная, стыдливая, вторая — «царь-девица», мужественная, воинственная, жадная, и в люб-

ви своей настойчивая и властная. Цепки ее пальцы, крепки объятия: что схватит — не выпустит. Весь мир — ее; и все радости его перебирает она, как жемчужины на ладони — сладострастно и бережно. Мало ей и земель, и морей, и трав, и зорь. Все ищет, все бродит по степям, да по «окиану»: глаза зоркие, сердце ненасытное.

Ахматова восходит по ступеням посвящения: от любви земной к любви небесной. Истончилось лицо ее, как иконописный лик, а тело «брошено», преодолено, забыто. Прошлое лишь во снах тревожит, вся она в молитве, и живет в «белой светлице», в «келье». Цветаева — приросла к земле; припала к ней, пахучей и теплой, и оторваться не может. Она — ликующая, цветущая плоть. Что ей до Вечности, когда земная жажда ее не утолена и неутолима.

Пью, не напьюсь. Вдох — и огромный выдох
И крови ропщущей подземный гул.

Одна уже в царстве теней: другая еще не постигает возможности смерти.

Я вечности не приемлю
Зачем меня погребли?
Я так не хотела в землю
С любимой моей земли.

Она любит благолепие церкви, торжественность обряда, сладость молитвы. Она богомольна, но не религиозна. Как различно выражается у Ахматовой и у Цветаевой любовь к России! Первая возвышается до истинного пафоса, становится молещницей за несчастную «темную» родину. Она отрекается от всего личного, отгоняет от себя последние «тени песен и страстей», для нее родина в духе и она молится

Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

У другой — не скорбь души, а страшный вопль терзаемого тела. Что ей до того, что убитые станут «божьего воинства новыми воинами» — все они ее сыновья, ее плоть. Она загораживает их собой, как мать своих детей, и диким звериным голосом воет над их трупами.

Это причитание — быть может самое сильное, из всего написанного Цветаевой.

И справа и слева
Кровавые зевы.

И каждая рана:
 — Мама!
 И только и это
 И внятно мне, пьяной,
 Из чрева — и в чрево:
 — Мама!
 Все рядком лежат, —
 Не развесть межой.
 Поглядеть: солдат!
 Где свой, где чужой?
 . . . . .
 Без воли — без гнева —
 Протяжно — упрямо —
 До самого неба:
 — Мама!

Искусство Ахматовой — благородно и закончено. Ее стихи совершенны в своей простоте и тончайшем изяществе. Поэт одарен изумительным чувством меры и безукоризненным вкусом. Никаких скитаний и метаний, почти никаких заблуждений. Ахматова сразу выходит на широкий путь (уже в первом ее сборнике «Вечер» есть шедевры) и идет по нему с уверенной непринужденностью. Цветаева, напротив, все еще не может отыскать себя. От дилетантских, институтских стихов в «вечерний альбом» (заглавие первого ее сборника) она переходит к трогательным мелочам «Волшебного Фонаря», мечется между Брюсовым и Блоком, не избегает влияния А. Белого и Маяковского, впадает в крайности народного жанра и частушечного стиля. У нее много темперамента, но вкус ее сомнителен, а чувства меры нет совсем. Стихи ее неровны, порой сумбурны и почти всегда растянуты. Последняя ее поэма «Царь-девица» погибает от многословья. И все же это произведение — примечательное и голос ее не забывается.

